

ЯПОНИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТУВЕ

В. Г. Дацышен

Аннотация: Статья посвящена проблемам влияния Японии на события в Туве и прилегающих к ней районах в период гражданской войны и иностранной интервенции в России.

Ключевые слова: Тува, Япония, гражданская война в Сибири, иностранная интервенция, Урянхайский край.

Разбирая «стенограммы заседания енисейской группы сибирского землячества» в Москве за 1934 г., я обратил внимание на такое заявление: «борьба партизан русской колонии Тувы ... была по существу борьбой с японским империализмом...» (Государственный архив Красноярского края — далее ГАКК. Ф.П–64. Оп. 1. Д. 716. Л. 33–34). Подобного рода выражения вполне отражали настроения эпохи, когда после начала в 1931 г. японской оккупации Маньчжурии обострились отношения между Советским Союзом и Японией. В центре проблем уже не в первый раз оказались Китайская-Восточная железная дорога и противоречия вокруг морских промыслов на российском побережье Тихого океана. И здесь «кстати пришелся» недавний негативный опыт советско-японского противостояния во время гражданской войны и иностранной интервенции в России. В этой ситуации интерес представляет проблема, насколько сильно было влияние Японии на события в Туве и прилегающих к ней районах, и как сами участники событий гражданской войны воспринимали это влияние.

При поверхностном знакомстве с историографией стало ясно, что советские историки придерживались версии агрессивных замыслов Японии по отношению к Туве. Например, Ю. Л. Аранчын писал: «Япония, например, рассматривала захват Внешней Монголии вместе с Урянхаем как спо-

соб борьбы за господство в Китае и базу борьбы за овладение Восточной Сибирью...» (Аранчын, 1982: 76–77). В первой постсоветской обобщающей работе по истории Тувы о Японии упоминается лишь вскользь в связи с панмонголизмом (История Тувы, 2007: 116).

Источниковая база русско-японских отношений не позволила обнаружить «тувинского следа». Например, в составленном известным японским исследователем Ч. Инаба фундаментальном каталоге документов Архива внешней политики Российской Федерации по истории советско-японских отношений за 1917–1962 гг. нет ни одного упоминания о Туве, Урянхае, Саянах или Приенисейском крае вообще (Советско-японские..., 1996). В различных сборниках документов (в т. ч.: Москва-Токио..., 2007), также нет материалов, указывающих на вопросы, связанные с Тувой. Здесь нелишне заметить, что в публикациях участников событий 1920-х гг., включая автора первой приведенной в статье цитаты, Япония в связи с событиями в Туве также не упоминалась (См.: Урянхай. Тыва дептер, 2007).

Влияние Японии на развитие политической ситуации в Туве и вокруг Урянхайского вопроса вообще стало заметным после неудачной для Российской империи войны со страной Восходящего Солнца 1904–1905 гг. По отзывам современников, включая и должностных лиц России в Саянах, именно падение авторитета России вследствие неудач в войне, вызвало активизацию антирусских настроений в Туве. В 1907–1909 гг. тувинские власти проводили последовательную политику вытеснения русских и даже попытались изменить в свою пользу линию государственной границы. Не случайно, сразу же после войны с Японией русские спецслужбы поставили вопрос о пресечении деятельности японской разведки, в том числе и в Саянах. Например, 31 декабря 1907 г. енисейский губернатор получил из Иркутска следующее предписание: «Из вышеозначенной суммы 100 рублей Вы имеете право перевести Начальнику Усинского Пограничного Округа на расходы по наблюдению за Японскими и Китайскими разведчиками в Усинском Пограничном Округе» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1063. Л. 3).

В начале XX в. было зафиксировано проникновение в Туву японских товаров. Усинский пограничный начальник А. Х. Чакиров в своей «Заметке О положении “Урянха” за последнее трехлетие 1909–1911 гг.» писал: «Китайцы ... поспешили снабдить урянха ... огниво же постарались заменить спичками пороховыми и фосфорными японского происхождения ...» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 771. Л. 78).

Тяжелейшая для России Первая Мировая война позволила Японии

политически и экономически утвердиться на просторах бывшей Цинской империи. Не осталась в стороне от японского внимания и Тува, попавшая под российский протекторат. Но, будучи союзной державой, Япония действовала в этом районе осторожно, через подставных лиц, или прикрываясь чисто торговыми интересами. В докладе заведующего Переселенческим управлением в Урянхайском крае А. А. Турчанинова говорилось: «Краем интересуются иностранцы, так, например, научно-промысловая экспедиция финляндца Седергольма и русского Баклунда состоящая почти исключительно из иностранцев и финнов конечной целью своих исследований ставит захват края в руки тех, на чьи деньги она работала» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 51. Л. 50б.). Данную научную экспедицию финансировала, по негласным сведениям, как раз Япония.

Ситуация в русско-японских отношениях изменилась в 1917 г. Несмотря на то, что японская общественность положительно восприняла Февральскую революцию, уже летом 1917 г. русско-японские отношения стали ухудшаться. В опубликованном весной 1918 г. «Воззвании Центр-Сибири» говорилось, что «японское императорское правительство, одно из правительств всех “союзных” держав, уклоняясь от признания нового русского правительства... Терещенко, с мая до октября месяца неоднократно обращался к японскому правительству с протестом по поводу странного поведения японских агентов в Урге, где они вооружали, возбуждали против нас монголов...» (ГАКК. Ф.П-64. Оп. 1. Д. 573. Л. 1–2).

Уже в 1917 г. возникла перспектива японской вооруженной интервенции в России. Южная Сибирь с прилегающими районами бывшей Цинской империи попадали в «сферу интересов» Японии. По мнению исследователя В. Э. Молодякова, «Японцев волновало другое — чтобы «бесхозное» оружие не попало к маньчжурскому диктатору Чжан Цзолину и тем более к корейским повстанцам...» (Молодяков, 2006: 88). Корея находилась от Тувы еще дальше, чем чжанцзолиновская Маньчжурия, но корейцы работали по всей Сибири. В начале 1917 г. японские подданные корейцы встречались на приисках С. С. Тропинина и на Каральском золотом прииске в Туве. Например, в январе 1917 г. директор золотопромышленной компании В. А. Мозголевский писал в Красноярск: «При сем прилагаю Билет на Японского подданного Карейца... Чун-си-чи, Билет... также на карейца Чоун-хей... в виду истечения права на жительства, Имею честь Покорнейше просить Енисейское Губернское Управление первое Отделение заменить настоящие билеты с новыми сроками и выслать через г. Комиссара Урянхайского Края...» (ГАКК. Ф.Р–1813. Оп. 1. Д. 12. Л. 18). Несмотря на отно-

сительную немногочисленность корейцев и отдаленность Приенисейского края от Кореи, они уже весной 1917 г. включились в политическую жизнь. Исследователь Б. Д. Пак писал: «состоявшееся 29 марта 1917 г. общее собрание корейцев г. Красноярска направило Красноярскому Совету рабочих и солдатских депутатов приветственную телеграмму» (Пак, 2009: 333). В 1921 г. делегат от корейской диаспоры Урянхая принимал участие в работе Всетувинского учредительного хурала. Несомненно, присутствие политически активной корейской общины в Туве было достаточным фактором для выработки активной политики Японии в отношении данного региона.

Япония, несомненно, была заинтересована в сохранении и расширении своих рынков в Азии. Уже в 1917 г. из Минусинска в Монголию через Туву проехали несколько японских коммерческих агентов, которые, по мнению русских властей, были военными разведчиками, проводившими топографическую съемку местности.

Начало участия Японии в иностранной военной интервенции в России было положено приходом крейсера «Ивами» во Владивосток 30 декабря 1917 г. (по новому стилю — 12 января 1918 г.). Этот акт, как и высадка японского десанта во Владивостоке в апреле 1918 г., обосновывались необходимостью защиты жизни и имущества японцев. В Саянах в то время не было зафиксировано просиживание японцев, и, соответственно, вопрос о вводе японских войск в этот районе ставился. Ближайшая к Туве сила, на которую опиралась японская экспансия, была сосредоточена на границе с Внешней Монголией, в районе станции Маньчжурия. Там при поддержке Японии и при непосредственном участии японских военных был сформирован так называемый Особый Маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова.

В годы гражданской войны Япония, несмотря на настойчивые просьбы всех антисоветских правительств и союзников по Антанте, не стала отправлять свои войска западнее Иркутска. Г. К. Гинс писал: «В августе, когда после совещания с Моррисом было решено просить Японию принять на себя охрану Сибирской дороги к западу от Байкала и послать для этого две дивизии. Токио ответил отказом, ссылаясь на климатические затруднения и на непопулярность в парламенте и обществе сибирских экспедиций» (Гинс, 2007: 533). Иностранная интервенция в южной части Приенисейского края была ограничена китайским и монгольскими военными отрядами.

Несмотря на «сдержанность» японских военных в отношении Центральной и Западной Сибири регионы Южной Сибири и Центральной

Азии не выпали из сферы интересов Японии по причине их иноэтничного населения. В мае 1919 г. премьер-министр Хара Такаси произнес речь: «О государственной политике в чрезвычайное время», в которой было заявлено: «XX век должен стать веком распространения теории национального объединения цветных народов и отказа от чуждой цивилизации. Япония в качестве самой передовой силы в Азии призвана встать во главе освободительных народов...» (цит. по: Иванов и др., 2012: 260). И действительно, на открытом 25 февраля 1919 г. в Чите съезде присутствовал вместе с атаманом Г. М. Семеновым и майор Судзуки. Один из лидеров панмонголизма Э.-Д. Ринчино писал: «Самое важное и существенное в выполнении нашей программы – это установление контакта с Японией и Семеновым. Для меня Семенов существует постольку, поскольку за ним стоят японцы и их сокровенные задачи и планы на территории Сибири...» (там же: 262).

Однако, проявив определенный интерес к панмонголизму, ставшему заметной силой в годы гражданской войны, японское руководство не стало активно «разыгрывать монгольскую карту». Современные исследователи утверждают, что сохранившиеся в архивах ФСБ материалы допросов активистов движения свидетельствуют, что приехавшая в Пекин делегация поддержанного атаманом Г. М. Семеновым «Даурского правительства» получила от советника японского посла следующее заявление: «Вы, монголы, народ отсталый, малокультурный и малочисленный, из вашей затеи объединения ничего не выйдет. Это не входит в политику японского правительства. Мое правительство Вас не поддержит... что касается обещаний поддержки в этом деле со стороны нашего военного командования, то оно, в военных целях, на свой риск, действуя совершенно самостоятельно и безответственно» (там же: 260–261).

Таким образом, несмотря на ряд факторов, способствующих интересу Японии к Туве, руководство этой страны, как и военные круги, в 1918–1919 гг. ограничили свое вмешательство в политические события в России территориями восточнее Иркутска.

В составленной в начале весны 1920 г. известным японистом К. А. Харнским «Ежедневной сводке разведывательного отделения штаба сухопутных и морских сил» Временного Приморского правительства во Владивостоке говорилось: «Недавнее совещание премьера Хара с ... Ямагата привело к частичному выяснению будущей политики Японии в отношении Сибирского Востока ... О планах Японии в Сибири пока можно только гадать ... можно уверенно сказать, что японскими милитаристами намечены в об-

щих чертах две программы: максимум и минимум. О программе-максимум мы можем судить по откровенным заявлениям тех безответственных лиц, но, тем не менее, очень влиятельных лиц, которые являются идеологами воинствующих элементов Японии. Это — небольшая группа профессоров Токийского университета... Один из членов этой группы еще в конце 1918г. заявил с полной определенностью в газете «Кокумин», что Японии в интересах самосохранения необходимо стать хозяйкой всей Восточной Сибири от океана до Байкала. Если не ошибаюсь, он говорил там и о создании буферного государства в этих пределах, как о средстве солидности международное приличие... Правда, среди японцев есть люди, обладающие более солидными аппетитами, но их приходится рассматривать как обыкновенных беспочвенных мечтателей, а план приобщения под тем или иным соусом к японским владениям всего Сибирского Востока, как выражающий максимальные требования японцев к России... те же идеологи японского империализма мечтали о распространении власти их государства и на почти всю Монголию» (Дальневосточная политика..., 1996: 36–38). Таким образом, среди японских политиков были такие, в планах которых было закрепление японского влияния во всей Сибири и Монголии, соответственно Тува здесь не могла быть исключением. Но крупнейший знаток Японии и общей политической ситуации на дальнем Востоке К. А. Харнский таких политиков называл «беспочвенными мечтателями».

Вопрос об участии Японии в антисоветской борьбе в Урянхайском крае вновь стал актуальным в 1920 г., после окончания гражданской войны и вывода иностранных войск из Сибири. Новая ситуация была обусловлена эвакуацией антисоветских войск в приграничные районы бывшей Цинской империи, в том числе и в Туву. А Япония в своей политике в отношении России продолжала делать ставку на антибольшевистские силы.

В годы гражданской войны сформировалась специфическая ситуация в региональной системе международных отношений. Эта ситуация, в частности, отражена в сохранившемся в фондах ГАКК «Деле Щетинкина и Кравченко. Урянхайский вопрос». В документе отмечается: «...Япония не имея права претендовать на дальневосточную окраину / которую ей дал в приданное Колчак при бракосочетании международного капитала с Сибирской демократией / может прицепиться к Урянхайскому делу или в качестве покровительницы Монголии или же обусловит пребывание своих войск в Российской местности Дальнего Востока тем, что и советские войска не имеют права пребывания их в Урянхае» (ГАКК. Ф.П-64. Оп. 1. Д. 640. Л. 1).

Советская Россия, связанная проблемами отношений с Японией на Дальнем Востоке, остерегалась вводить свои войска в Урянхайский край. И этим пользовались как русские антисоветские силы, так и монгольский и китайский отряды. Возможно, на это делали ставку и японские военные. Показательным является «Доклад заведующего Енисейским губернским статбюро о географическом и экономическом положении Урянхайского и Усинского края 20 сентября 1921 г.». Автор документа Г. П. Машкин писал: «Туземцы Урянхия в силу своей слабости и не культурности не смогут жить политически самостоятельно. Китай или Монголия /говорят через Монголию действует Япония/ не отпустят для них такой лакомый кусочек. Но ненависть сойотов к Китаю несомненна. И земли Урянхайские юридически не составляли части территории Китая и Монголии. По старым договорам Урянхай скорее принадлежит России...» (ГАКК. Ф.Р-1299. Оп. 1. Д. 171. Л. 8).

Сибирские власти проявляли крайнюю осторожность. Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов докладывал В. И. Ленину в начале ноября 1920 г.: «Полагаю, что наше вмешательство в монгольское дело на стороне Китая вызовет нежелательное в настоящих условиях столкновение с Японией. Считаю лучшим, не входя активно ни силами ДВР, ни армии, дать развязываться конфликту, представив временно события идти своим порядком» (Дальневосточная политика..., 1996: 152). Затем, 6 ноября, И. Н. Смирнов писал В. И. Ленину: «Сегодня командующий Сиб войсками Шорин получил боевую директиву Каменева добить белогвардейские отряды, ушедшие из России в Монголию... Этот шаг чреват большими последствиями, не исключающими возможность войны с Японией...» (там же: 153–154).

В 1920 г. «Урянхайский вопрос» ставился и рассматривался в тесной связи с проблемой статуса и будущего устройства Монголии. Как известно, воспользовавшись ослаблением России, военные Китайской Республики во главе с Дуань Цижум в 1919 г. ликвидировали автономию Внешней Монголии. Документы говорят, что Советское руководство к концу гражданской войны волновал не столько вопрос ликвидации автономии Внешней Монголии, сколько укрепление в Урге про-японски настроенных китайских сил. 22 апреля 1920 г. председатель Иркутского губревкома Я.Д.Янсон докладывал Г. В. Чичерину и И. Н. Смирнову: «По получаемым сведениям, в последнее время положение в Монголии, в Урге, круто изменилось к худшему. В Ургу прибыл японофил анфуист... вместе с офицерами японского штаба... В Монголии полное господство японофилов, не исключены агрессивные действия в отношении России... Китайцы не пускают в Монголию

русских даже с визами царского маймаченского консула Лапдовского... Считаю положение в Монголии весьма серьезным...» (там же: 59–60).

С другой стороны, японские добровольцы, возможно состоявшие на действительной службе, были в составе белогвардейских частей в Монголии. Однако численность их была невелика, и зафиксированы были далеко от Тувы. 29 ноября 1920 г. сотрудник Монголо-Тибетского отдела Гочитский докладывал в Ново-Николаевск: «Удалось установить следующее... В настоящее время в восточной части Халхи... насчитывается от 6–8 тысяч человек белогвардейцев... незначительное количество Халхасцев, чахаров, бурят /табхаевцы/, китайцев и наконец около ста человек японцев» (Государственный архив Новосибирской области — далее ГАНО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 45. Л. 3).

Вообще, в советской историографии было принято считать ставленником Японии барона Унгерна, захватившего на некоторое время Халху. Советские историки писали: «В октябре 1920 г. в пределы Внешней Монголии вступил японский ставленник барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг» (Аранчин, 1982: 85). Однако современные исследователи пересмотрели данную точку зрения: «Недавно С. Дамбинсурэн и Е. А. Белов первыми показали, что Унгерн не был марионеткой или агентом японцев, что обвинения его в поддержке Японией — результат советской пропаганды 1920-х гг.» (Кузьмин, 2011: 401). С. К. Роцин полагает: «Был ли самостоятелен Унгерн в Монголии? ... оказавшись в Монголии, он, думается, резко ослабил контакты и с Семеновым, и с японцами» (Роцин, 1999: 17). Современный исследователь С.Л. Кузьмин пишет: «Унгерн действовал самостоятельно и не опирался на поддержку Японии... Походы Унгерна были частью его собственного плана, геополитически невыгодного Японии» (Кузьмин, 2011: 405).

Ветераны установления советской власти в Усинско-Урянхайском крае позднее единодушно указывали на участие Японии в организации борьбы против Советов в Саянах. Представитель Сибревкома в Усинско-Урянхайском крае И. Г. Сафьянов в своей работе «Борьба красных партизан с контрреволюцией в Усинском пограничном округе и соседней с ним Танну-Туве» утверждал: «Открыть новый фронт борьбы с советской властью... помогал японский генеральный штаб, о чем имеются бесспорные исторические документы. Наши партизанские отряды разбили эти планы японских империалистов, они ликвидировали их радужные мечты...» (ГАКК. Ф.П-64. Оп. 1. Д. 716. Л. 3–4).

При обсуждении доклада И. Г. Сафьянова на заседании енисейской группы сибирского землячества в Москве другой бывший советский лидер М. Г. Сафьянов утверждал, что выступления белых в Туве «были предусмотрены особым совещанием японского генерального штаба. Существует литература по Дальневосточному краю, где определенно указывается, что вскоре после разгрома Семенова и отступления японцев из Читы, генеральный штаб созвал специальное совещание и на нем был разработан план дальнейшей борьбы против диктатуры пролетариата в нашей стране, против советской России. План этот заключался в следующем. Одновременно в мае месяце 1921 г. должны выступить белогвардейские части в следующих пунктах: во Владивостоке генерал Вербжицкий; в Урге и в восточной части Монголии — генерал Унгерн; в Уля-Сутае — генерал Казанцев, в Чугучаке — генерал Бакич и в районе Кобдо — Кайгородов... Это указывает, что борьба партизан русской колонии Тувы ... была по существу борьбой с японским империализмом...» (ГАКК. Ф.П-64. Оп. 1. Д. 716. Л. 33–34).

Еще один участник событий, бывший красный командир А. Т. Иванов, заявил: «Считаю небезинтересным сделать небольшую вставку к докладу г. М. Сафьянова об японской интервенции... После того, как разбили Бакича 8–9 декабря 1921 г. захватили его обоз было захвачено несколько генералов, генерала Шеметова, Ждановского, котрых я допрашивал в то время, что их побудило к этому нападению. На Шеметов осторожно говорил, что видите ли они получили что то такое 5 сот иен, или больше того от генерала Анисимова из Манжурии... Ген. Мадановский болтливый старик разошелся так что его показания я принял за фантазию. Помимо разных подробностей. Не имеющих никакой цены, он развил такой план, что помимо денег Япония обещает доставлять оружие из Японии, что оружие должно быть доставлено под видом земледельческих орудий. Но, между прочим, что и Бакичем и прочими управляла именно Япония, так что подтверждается допросами...» (ГАКК. Ф.П-64. Оп. 1. Д. 716. Л. 64).

Воспоминания красных партизан подтверждаются документами следственных дел в отношении разбитых на территории Тувы лидеров антисоветских сил начала 1920-х гг. Пленный генерал И. И. Смольнин-Терванд в 1922 г. на допросе сообщал: «Осенью 20 года в Чугучак из Кульджи прибыли японские офицеры Нагамини и Сато. Я и генерал Бакич встречались в Чугучаке с указанными японскими офицерами и вели с ними переговоры о возможности поддержки Японией Отдельного Оренбургского корпуса... В последних числах декабря 1920 г. из Урумчи в Чугучак приехал японский майор Цуга. Я и генерал Бакич вновь вели с ним переговоры...» (Дальнево-

сточная политика..., 1996: 126). Эту же информацию повторил на допросах и сам генерал А. С. Бакич.

Знакомство с документами по истории советско-японских отношений позволяет предположить, что Япония после нормализации двухсторонних отношений исключила Туву из сферы своих интересов. На разных уровнях представители двух стран обсуждали вопросы по Китаю и Монголии, поднимали проблемы Европы и Америки, но Тувинская республика нигде не упоминается (Москва-Токио..., 2007).

Таким образом, в первой четверти XX в. Япония, с ее активной внешней политикой, была важным фактором внутреннего и внешнеполитического развития Тувы. Особенно активно о «японском влиянии» говорили применительно к событиям гражданской войны и иностранной интервенции в Туве 1920–1921 гг. При этом, действительно, японские военные предлагали сотрудничество отступавшим через Туву антисоветским лидерам. Однако введенные на сегодняшний день в научный оборот документы не дают оснований утверждать о существовании активной целенаправленной политики Японии в отношении Тувы, в том числе об использовании противоречий и событий в Урянхайском крае японскими военными в целях борьбы с советской властью в России.

Список литературы:

- Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск.
- Дальневосточная политика Советской России (1920–1922) (1996) : сб. док. Новосибирск.
- Гинс, Г. К. (2007) Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.
- Иванов, А. А., Кальмина, Л. В., Курас, Л. В. (2012) Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.). Иркутск.
- История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск. Т. II.
- Кузьмин, С. Л. (2011) История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.
- Молодяков, В. Э. (2006) Гото Симпэй и русско-японские отношения. М. ; СПб. Москва-Токио (2007). Политика и дипломатия Кремля 1921–1931 : сб. док : в 2 кн. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.
- Пак, Б. Д. (2009) Борьба российских корейцев за независимость Кореи. 1905–1919. М.
- Рощин, С. К. (1999) Политическая история Монголии (1921–1940). М.
- Советско-японские дипломатические отношения (1917–1962 гг.) : каталог документов (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) (1996) / сост. Ч. Инаба. Токио.
- Урянхай. Тыва дептер (2007) / сост. С. К. Шойгу. М. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.).

JAPAN AND CIVIL WAR IN TUVA

V. G. Datsyshen

Abstracts: Article focuses on the problems of Japanese influence on events in Tuva and surrounding area during Civil War and Foreign Intervention in Russia.

Keywords: Tuva, Japan, Civil War in Siberia, Foreign Intervention, Uriankhai region.